УДК 343.212

***А. Г. Иванов***
*начальник кафедры оперативно-розыскной деятельности*
*органов внутренних дел*
*Дальневосточного юридического института МВД России*
*имени И. Ф. Шилова,*
*кандидат юридических наук, доцент*

# ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ФОРМУЛИРОВКА ВИНЫ В УГОЛОВНОМ ПРАВЕ РОССИИ И БЕЛАРУСИ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ И ПРАВОПРЕЕМСТВЕННЫЙ ОПЫТ

Метанаучный характер вины, безусловно, говорит о ее масштабности и применении ее в качестве основной категории как в праве в целом, так и в уголовном законодательстве в частности.

Схожесть уголовного права России и Беларуси обусловлена единством государственности в недалеком прошлом. Тем не менее определенные акценты расставлены, они имеют определенную правовую ценность в национальном уголовно-правовом законодательстве и, безусловно, представляют интерес с точки зрения научного исследования и возможного заимствования при совершенствовании отдельных уголовно-правовых норм.

В рамках вины как основной категории уголовного права (а это подчеркивается принципом вины, не допускающим привлечения лица к уголовной ответственности без ее установления) законодатель использует ряд понятий, точность трактовок которых напрямую влияет на квалификацию противоправных деяний.

Следует подчеркнуть, что для современного уголовного права принцип вины является базовой категорией, на которой строится вся отрасль права, поэтому логически правильным представляется изначально обратиться к законодательной трактовке вины, которая в уголовном праве России отсутствует.

Уместно вспомнить Н. С. Таганцева, который говорил, что всякая виновность есть виновность воли, а следовательно, и виновность умышленная [1, с. 465]. Этот постулат — подтверждение тому, что вина есть психологическая составляющая преступления. «Виновность, — говорит Haus (Principes, 2-е изд., № 283), — предполагает умственное развитие и свободу... свобода может быть внутренняя или внешняя. Первая есть способность желать и не желать, вообще определяться самопроизвольно, вторая состоит во власти действовать или не действовать, совершать что-либо или воздержаться. При отсутствии одного из этих двух условий всякая виновность исчезает, факт не

может быть вменен совершившему и не может повлечь поэтому никакой уголовной ответственности» [1, с. 321].

Уголовный кодекс (далее — УК) Республики Беларусь (ст. 21), в отличие от УК Российской Федерации, дает законодательное определение вины, которая выражается в психическом отношении лица к совершаемому общественно опасному деянию, выраженному в форме умысла или неосторожности.

Подобной трактовки вины придерживается отечественная теория уголовного права. Тем не менее здесь следует задуматься. Уголовно-правовая доктрина обоих государств стоит на позиции психологической теории вины, и в этом случае необходимо учитывать некоторые психологические особенности человеческого сознания или разума (кто к какому определению склонен). В рамках психологического аспекта определение вины, представленное выше, выглядит как психическое отношение к деянию (действию или бездействию, согласно ст. 11 УК Республики Беларусь). Что значит «психическое отношение к действию или бездействию», пусть даже и общественно опасному, как это дается в определении вины? Это осознание выполнения действия или осознание его невыполнения (бездействия). Но в данном случае мы имеем дело с такой ситуацией, что, если лицо не осознает совершение или несовершение своих действий, даже общественно опасных, необходимо ставить вопрос о неадекватности его психического состояния или болезненном состоянии психики.

С психологической точки зрения в рамках вины лицо должно осознавать общественную опасность своего действия. Для иллюстрации приведем пример: лицо, совершившее тяжкое преступление и застигнутое сотрудником полиции на месте совершения преступления, оказывает вооруженное сопротивление (стреляет из пистолета в сотрудника полиции). В данной обстановке сотрудник полиции на основании действующего законодательства применяет табельное оружие (также стреляет из пистолета на поражение). Указанные в приведенной ситуации действия весьма схожи, и оба лица осознают, что стреляют из огнестрельного оружия в человека. И в одном, и в другом случае лицо, выполняющее действие, вменяемо и с психологической точки зрения адекватно, но в первом случае действие представляет общественную опасность, а во втором — нет. Для установления вины необходимо установить осознание общественной опасности.

Здесь необходимо обратиться к категории «общественная опасность» и сразу оговориться, что в самом общем виде данная категория означает опасность для общества, а общество, в свою очередь, это человеческая общность, специфику которой представляют отношения людей между собой.

В контексте вины как психологической составляющей преступления и представленной в уголовном законодательстве рассматриваемых стран общественная опасность входит в структуру форм вины, и, соответственно, лицо, совершившее уголовно наказуемое деяние, должно осознавать опасность своего действия по отношению к окружающим его людям и их отношениям. Однако сложно утверждать, что сознанием лица, нарушившего уголовно-правовой запрет, будет охвачена опасность этого деяния для общества (при получении взятки наивно полагать, что лицо, ее получающее, осознает опасность своего деяния для общества).

Еще в начале 90-х гг. прошлого столетия на данное обстоятельство обратил внимание А. И. Марцев, отметивший, что «мы до сих пор не имеем единого понимания общественной опасности» [2, с. 28]. На сегодняшний день, как представляется, изменения в данном направлении не произошли и процитированная мысль остается актуальной.

В рамках психологической составляющей преступления упор сделан на сознании лица, но при этом нельзя забывать, что сознание индивидуально. Соответственно, при квалификации преступления нельзя опираться на то, что лицо, совершившее запрещенное УК деяние, должно осознавать. Необходимо учитывать и то, что оно способно было осознавать и могло в силу индивидуализации психики осознавать. И именно в этих границах встает вопрос о субъективной ошибке лица, нарушившего уголовно-правовой запрет.

Именно в данном контексте, дабы субъективная ошибка в обязательном порядке была учтена правоприменителем при установлении вины, она должна быть регламентирована уголовным законодательством. В этом плане следует отметить УК Республики Беларусь, в ст. 37 которого в правовом плане закреплена ошибка в наличии обстоятельств, исключающих преступность деяния. Однако ошибка законодательно регламентирована только по отношению к обстоятельствам относительно заблуждения в необходимой обороне или крайней необходимости. Остальные направления субъективной ошибки (ошибка в обстоятельствах, в объекте и т. д., юридическая ошибка) выпали из законодательного поля. В уголовном законодательстве России субъективная ошибка вообще не регламентирована, что представляется существенным пробелом в институте вины.

Все вышеотмеченное позволяет утверждать, что уголовно-правовая конструкция вины пока не совершенна, и в целях ее совершенствования, для эффективного применения в рамках квалификации преступления и назначения наказания, конечно же, необходимо учитывать и заимствовать положительный опыт зарубежных государств.

## Список основных источников

1. Таганцев Н. С. Русское уголовное право : в 2 т. Тула : Автограф, 2001. Т. 1. 800 с. Вернуться к статье

2. Марцев А. И. Диалектика и вопросы теории уголовного права. Красноярск, 1990. 128 с. Вернуться к статье